

В. Г. Луконин

КАРТИР И МАНИ

«**А**РТАШИР сказал своему сыну (Шапуру): „Знай, что вера и царствование — братья и не могут существовать друг без друга. Вера — это основа царства, и царство защищает веру“».

Эту фразу, принадлежащую, якобы, основателю государства Сасанидов, приводит арабский историк Мас'уди¹. Он прочел ее «в одной из книг парсов», скорее всего в каком-нибудь дидактическом трактате, составленном уже после того, как сасанидское государство перестало существовать. И все же пусть и не Арташиром сказанные, эти слова определяли одну из главных особенностей раннесредневекового Ирана. Единая для всего государства религия — зороастризм, жречество как один из столпов опоры царя царей, влияние храма не только в области идеологической, но и в области экономической — все это сильно отличало вновь созданную монархию от предшествовавшего ей парфянского государства. История религиозной борьбы в ту эпоху, быть может, объясняет нам смысл многих событий и не только в области идеологии, но и в области политики.

Два человека играли тогда ведущую роль в идеологической жизни страны. Один — Картир — имел пышный титул духовника царя царей, верховного жреца, верховного судьи государства. Другой — Мани — был пророком новой веры в единого, мирового бога, «апостолом» этого бога на земле.

В руках Картира были организованные по всей стране жреческие корпорации, колоссальные денежные средства и земли, находившиеся во владении храмов. За Картира был царь Ирана, за Картира была древняя традиция, древняя религия, которую он «возродил и очистил от скверны».

За Мани был фанатизм приверженцев его учения, простота и доступность этого учения, привлекательность веры «в единого бога под разными именами». За Мани были купцы и кое-кто из знати, а одно время даже царь царей Ирана.

Эти двое, как в фокусе, отражали всю идеологическую борьбу той эпохи. И если вера одного из них — Картира, стала впоследствии действительно «опорой трона», то вера другого — Мани, будучи гонимой повсюду, вскоре (по-видимому, в том же III в.) приобрела характер «религиозного протестантизма» и стала знаменем целой цепи народных восстаний, направленных против «зла в мире»².

¹ Masoudi, Les prairies d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard, T. II, P., 1863, стр. 162.

² По сообщению Иоанна Малалы уже во время царствования Диоклетиана (285—305 гг.) в Риме последователь Мани, некто Бундос, проповедовал идеи революционного уничтожения зла (см. A. Christensen, L'Iran sous les Sassanides, Copenhagen, 1936, стр. 337—339).

* * *

О создании письменного текста «Авесты» и кодификации зороастризма рассказано в «Денкарте». В эпоху Ахеменидов, говорится в этой книге, царь Ирана Дара, сын Дары повелел, чтобы две копии «Авесты» были помещены: одна — в царскую сокровищницу (*ganj-i šarīkan*), а другая — в «Крепость надписей» (*diz-i pīrišt*)³. Кто был этот Дара, сын Дары? Для зороастрийских жрецов, составивших «Денкарт» в IX в., под этим именем разумелся любой «древний» государь, живший и действовавший до Александра Македонского. Далее сообщается, что Александр после победоносного завершения своего похода в Иран сжег эти тексты (написанные золотом на 12 тыс. бычьих кож). В парфянскую эпоху, при «Валахше Ашканиде» жрецам культа было приказано сохранить остатки «Авесты», а также других учений, связанных с зороастризмом — тех, что были записаны, и тех, что передавались изустно. «Валахш Ашканид» мог быть для составителей «Денкарта» любым из пяти Валахшей, правивших Ираном в парфянскую эпоху (Валахш I — вторая половина I в. до н. э.; Валахш V — 207—221 гг. н. э.).

Но ни та, ни другая попытки, если они действительно имели место, не являлись *кодификацией* религии. Учение существовало и развивалось на базе, скорее всего, устной традиции, впитывало в себя местные, древние верования и культы, на смену одним богам приходили другие, вера распространялась по всему Ирану. Но широкое распространение этого учения⁴ не означало, конечно, того, что оно было объявлено государственной религией. Веротерпимость парфянских царей хорошо известна. Мы не можем даже утверждать, что учение Заратуштры было культом правящей династии. «Денкарт» относит первую подлинную кодификацию «Авесты» к эпохе царствования Арташира — времени очень напряженному и в идеологической, и в политической жизни страны. Там же мы встречаем и упоминание о том, кто провел эту кодификацию — о жреце Тансаре (или Тусаре).

Вот что сказано в «Денкарте»: шаханшах Арташир послал Тусара — «религиозного главу», приказав ему, чтобы все остатки «Авесты» были собраны ко двору шаханшаха. Тусар, изучив эти остатки, выбрал одну традицию, сделав ее каноном. Остальные же были объявлены неканоничными. Было решено, что толкование всех догматов «веры поклоняющихся Ахура Мазде» (*dyn mazdysn*) зависит отныне только от Тусара⁵.

Кто же такой Тусар, человек, которому, согласно «Денкарту», Сасанидское государство обязано созданием государственной религии? Был ли он реальным историческим лицом?

Мы знаем о нем из того же «Денкарта»: «Никогда не появятся в странах ни неправедные смуты, ни неправедные поклонения дэвам..., если люди будут следовать ему, жрецу, духовному наставнику, правдивому и славному Тусару»⁶.

Этому же Тусару (или Тансару) приписывается весьма интересное про-

³ The Complete Text of the Denkart, ed. D. M. Madan, Bombay, 1911 (далее—Denkart. Madan), стр. 412,3; 415,3. Транслитерацию текста см. H. W. Bailey, Zoroastrian Problems in Ninth Century Books, Oxf., 1943, стр. 218—219; R. C. Zaehner, Zurvan. A Zoroastrian Dilemma, Chicago, 1951, стр. 7—9, 31—34.

⁴ Среди имен собственных, встречаемых в документах из Михрдаткарта (а их около 200), очень много зороастрийских теофорных имен. Зороастрийским («младо-авестийским») является и календарь этих документов. См. И. М. Дьяконов и В. А. Лившиц, Документы из Нисы I в. до н. э. Предварительные итоги работы, М., 1960, стр. 23—24.

⁵ Denkart. Madan, стр. 415, 3.

⁶ Там же, стр. 652, 10.

изведение позднесасанидской эпохи — письмо к владельцу одного из княжеств в Северном Иране.

«Письмо Тансара» — великолепное произведение эпистолярно-дидактического жанра, которое знакомит нас с образом самого Тансара и обрисовывает его деятельность. Тансар предстает перед нами аскетом и подвижником, мудрецом, который пишет о себе: «(6) ... я отрешился от житейских услад в этом мире, дабы люди знали мою праведность и прибегали бы к моим советам и житейскому опыту для спасения в будущей загробной жизни, для остережения от скверны»⁷.

В своем послании «владельческому шаху Табаристана» Тансар объясняет многие поступки и дела шаханшаха. И в этом памятнике мы иногда находим поразительное совпадение с тем, что пишет о Тусаре «Денкарт».

Но «Письмо Тансара», как и «Денкарт», составлено в позднесасанидское время. Это — «псевдоэпиграф», тенденциозная подделка, сознательно удревненная его авторами, с целью придать больший авторитет идеям, выраженным в этом памятнике, при помощи благородной патины времени. Тансар для нас по-прежнему легендарный персонаж, о котором рассказывали спустя 300 лет после того времени, к которому относили его жизнь и деятельность.

Обратимся, однако, к источникам III в. — раннесасанидским наскальным надписям⁸, монетам первых Сасанидов⁹, рельефам, памятникам торевтики, и попытаемся ответить на вопрос: как отражают эти источники пути и время превращения «dun mzdysn» в официальную религию сасанидского Ирана.

Пожалуй, первый памятник, который мы могли бы связать с родом Сасанидов — это граффити на стене дворца Дария в Персеполе¹⁰.

Папак и его сын, Шапур, еще совсем недавно — мелкие владельцы небольшого княжества в Парсе, узурпировавшие в 208 г. н. э.¹¹ трон Истахра и с этих пор титулующие себя на выпущенных ими монетах «царями» (MLK'), представлены на этом граффито в инвеститурной сцене: Шапур (в тех же инсигниях власти, что и на его монетах)¹² изображен на коне в сопровождении своих придворных, с венцом власти в руках. Перед ним фигура его отца Папака в одеянии жреца (таким же, как и на монетах). Эта инвеститурная сцена — своеобразная антитеза инвеститурным парфянским рельефам, например, рельефу из Суз, где последний царь из династии парфян Артаван V венчается на правление в Сузах сатрапа Хвасака¹³. На персепольском граффито власть Шапура над Истахром освящается самой богиней Анахитой в лице ее главного жреца, владыки (p'thš'y) ее храма —

⁷ The Tansar's Epistle. Persian text., ed. M. Minovi, Teheran, 1932, стр. 8.

⁸ Наибольший интерес представляют надписи Картира (о них см. ниже), а также надпись Шапура I на «Каабе Зороастра» (SKZ) изд.: M. S p r e n g l i n g, Third Century, Iran, Chicago, 1953 (фотографии текста, прорисовки, транслитерация, английский перевод). M. M a r i c g, Res Gestae divi Saporis, «Syria», XXXV, 1958.

⁹ Фотографии сасанидских монет см.: F. P a r u c k, Sasanian Coins, Bombay, 1924.

¹⁰ Рисунки с граффити см. E. N e r z f e l d, Iran in the Ancient East, Princeton, 1952 (только фигура Папака); «Gozarēshāie bastān šenasi», IV, 1338, стр. 275—276 (прорисовки всех фигур, выполненные Таги Асефи); эстампаж с фигуры Шапура — Corpus Inscriptionum Iranicarum (CII), pt. III, vol. II, portf. III. Minor Inscriptions of Kartir.

¹¹ Даты раннесасанидской истории здесь и ниже даются по хронологии, предложенной С. Тагизаде (см. S. H. T a g i z a d e h, The Early Sasanians, BSOS, vol. XI, pt. 1, 1943—1946, стр. 6—51; о н ж е, Some Chronological Data, Relating to the Sasanian Period, BSOS, IX, 1937—1939, стр. 125—139).

¹² О монетах Шапура — Папака см. В. Г. Л у к о н и н, Иран в эпоху первых Сасанидов. Очерки по истории культуры, Л., 1961, стр. 25—28, рис. 1.

¹³ Об этом рельефе см., например, R. G h i r s h m a n, Parthes et Sassanides, P., 1964, стр. 56—57, рис. 70.

Папака. Как известно, храм Анахиты в Истахре был родовым храмом Сасанидов, и основатель династии Сасан, и его сын Папак, а возможно, и первые сасанидские шаханшахи состояли жрецами в этом храме¹⁴.

Итак, с самого начала, с момента прихода к власти в Истахре, Сасаниды провозгласили божественную сущность этой власти, обратившись к покровительству своего родового божества, верховными жрецами которого были они сами. Светская власть новой династии в это время была неотделима от духовной.

Почитание Сасанидами «*dun mzdysn*» утверждается на коронационных монетах первого сасанидского шаханшаха Арташира, принявшего в 227 г. титул *mzdysn bgy... MNWčtry MNyuzd'n* «поклоняющийся [Ахура] Мазде, владыка, ... происходящий от богов» и основавшего царский коронационный храм ('*twr ZY MLK'*) рядом с так называемой «Каабой Зороастра» — храмом богини Анахиты. Инвеститурные рельефы Арташира I, высеченные неподалеку от его первой столицы Арташир-Хварре («Слава Арташира»), а также в черных базальтовых скалах национальной святыни персов в районе Персеполя¹⁵, представляют сцену, где венец власти Арташиру вручает бог Ахура Мазда. На рельефе в Накш-и Рустам, выбитом в конце 30-х гг. III в.¹⁶, пожалуй, всего яснее провозглашена «божественная сущность» власти новой династии. Конь Арташира попирает поверженную фигуру последнего парфянского царя Артавана, конь Ахура Мазды — божество мрака Ангро Майнью: приход Сасанидов к власти в Иране, победа Арташира над Артаваном приравниваются к победе божества света над богом мрака. Та же символика и в инвеститурном рельефе сына Арташира, Шапура I, — точной реплике рельефа в Накш-и Рустам, высеченном в 243 г. недалеко от Бишапура¹⁷: победа над императором Рима Гордианом (он изображен под копытами коня Шапура) приравнивается к победе света над мраком.

Первых сасанидских шаханшахов венчал на власть в Иране не только Ахура Мазда. Монеты старшего сына Шапура, Хормизда I, представляют на об. ст. сцену инвеституры, где атрибуты власти вручают ему и Ахура Мазда, и Митра, и Анахита, — в то время уже иконографически отождествленная с женой шаханшаха — царицей царей. Ее храм в Истахре уже в то время носил название *sthly 'twry ZY 'nhyt 'trhštr* по имени старшей жены сына Арташира, шаханшаха Шапура I, — «царицы царей» Атур-Анахит¹⁸.

В эпоху Арташира — Хормизда I создается изобразительный канон главных зороастрийских божеств. Для создания образа Ахура Мазды (первое его изображение на инвеститурных рельефах Арташира I в Накш-и Раджаб и Фирузабаде относят приблизительно к 235 г.) использованы одеяние, украшения и корона самого Арташира I, чеканенные на его монетах, выпускавшихся около 235 г. (сам Арташир к моменту создания первых инвеститурных рельефов уже сменил форму короны, оставив прежними свое одеяние и украшения). Точно так же Митра и Анахита (впервые появ-

¹⁴ M.-L. Chaumont, *Le Culte d'Anahita a Stahr et les Premiers Sassanides*, «Revue de l'Histoire des religions», CCCLVI, 1958.

¹⁵ Рельеф Арташира в Фирузабаде см. Vanden Berghe, *Archeologie de l'Irān Ancien*, Leiden, 1959, табл. 70, b; рельеф в Накш-и Раджаб, там же, табл. 25, b; рельеф в Накш-и Рустам, там же, табл. 28, c.

¹⁶ Точные даты для скальных рельефов Арташира I можно установить на основании изображения инвеститурных знаков шаханшаха (о датах рельефов и различных типов монет Арташира I см. W. Lukonin, *The Coins of Artahšir I*, «Iranica Antiqua», vol. VI, Leiden, 1966).

¹⁷ Ghirshman, *Parthes et Sassanides*, рис. 202—203.

¹⁸ ККЗ (об этой надписи см. ниже, стр. 74), стк. 8. Об Атур-Анахит см. также SKZ, MP ver., стк. 23, Prth. ver., стк. 18, 20: об основании Шапуром I храма, носящего ее имя, и жертвах в этот храм.

ляются на монетах Хормизда I, выпущенных в 273 г.) изображены в одеянии царя царей и царицы цариц; Митра — с лучистым венцом (непременным атрибутом древневосточных и эллинистических солнечных божеств), Анахита — в зубчатой короне царицы цариц Атур-Анахит. Такой «реалистический» подход к созданию изобразительного канона главных божеств характерен для зороастризма, религиозные тексты которого представляют их в виде абстракций или в виде их перевоплощений в различных зверей (об этом см. ниже)¹⁹. Такой подход характерен именно для эпохи первых Сасанидов, когда в изобразительном каноне подчеркивается прямая связь «*dyn mzdysn*» с правящей династией, идея неразрывности светской и духовной власти.

Вероятно, в тяжелые годы кризиса, охватившего в начале III в. все Средиземноморье, лозунг реставрации древней веры, провозглашенный Сасанидами, сыграл немалое значение в деле создания коалиции царей Апаршахра, Мерва, Кермана, Сакастана и представителей «староиранского царства» — Суренов, Каренов, Варазов и владетелей Андикана²⁰, — тех владык, которые фактически возвели Арташира I на престол Ирана. Однако именно в силу того обстоятельства, что первоначально сасанидский Иран представлял собой конфедерацию этих царств и владений, в силу того, что, как и последние парфянские цари, Арташир I был полновластным владыкой в сущности лишь в своем «домене» (*dstkrty*), культ правящей династии в то время еще не мог быть навязан всем и каждому, не мог превратиться в единую религию государства.

И действительно, в списках двора Арташира мы не встречаем ни одного жреческого титула, а при дворе его сына Шапура упомянут лишь один жрец — Картир²¹.

В недалеком будущем Картира ждала блистательная карьера, ему предстояло вскоре стать верховным религиозным главой и религиозным наставником царя царей. Но в 262 г., когда составлялась надпись SKZ и власть сасанидской династии в Иране держалась уже более полустолетия, Картир носил скромный титул «херпата» («служитель храма огня»? «толкователь «Авесты»?») и в списке придворных упоминался на одном из последних мест, после тюремщика и дворцового привратника.

* * *

3

В 256 г. войска Шапура I штурмом овладели городом Дура-Европос. В этом городе находилось более десятка храмов, посвященных различным богам. Здесь были и христианская церковь, и синагога, и храмы древних вавилонских божеств — Бела, Шамаша, Нанайи, и святилища, посвященные сирийским, пальмирским богам — Афладу, Хададу, Атаргатис, Аглинолу. Римские солдаты гарнизона Дура-Европос почитали Митру и Юпибера; одним из самых значительных храмов города был храм, посвященный Зевсу; Зевс был изображен в иранском наряде; многие вавилонские, пальмирские, сирийские божества носили греческие и римские имена, и многие боги римлян были просто интерпретацией божеств семитов.

Во время одной из кампаний на Западе войска Шапура I подошли к сильно укрепленной Хатре. Солдаты Шапура увидели там почти то же, что

¹⁹ Подробнее о создании канона зороастрийских божеств и о зверях-символах различных божеств см. А. Я. Борисов, В. Г. Луконин, Сасанидские геммы, Л., 1963, стр. 26—38; В. Г. Луконин, Б. И. Маршак, Изучение сасанидского искусства в Государственном Эрмитаже, «Тезисы докладов на юбилейной научной сессии Государственного Эрмитажа. Пленарные заседания», Л., 1964, стр. 29—31; Lukonin, The Coins of Artahšir I.

²⁰ SKZ, Prth. ver., стр. 23—24.

²¹ SKZ, Prth. ver., стр. 28.

и в Дура-Европос: статую древнего бога Ашур-Бела в римском военном наряде с богиней удачи Тихой у его ног и головой Медузы на плаще, статую древней местной богини Аллат, изображенной с копьём и в военном шлеме — так, как изображали богиню Афины, статую солнечного бога Митры, украшенную орлами — символами Хатры, статуи Геракла, Гермеса и даже знакомые им алтари огня²².

Христианство, бесконечно многообразные философские доктрины «гносиса», неоплатонизм, древние космогонические и космологические идеи Вавилона, различные толки зороастризма, иудаизм — вот с чем пришлось встретиться в Месопотамии Шапуру I.

Христианство, еще недавно стоявшее в оппозиции римским императорам, все еще гонимое и преследуемое властью, вопреки всем преследованиям, быть может даже благодаря им, создает организацию с железной дисциплиной и весьма ощутимым влиянием. В областях, соседних с Ираном, и в самом Иране (в Месене, Сузах, Рев-Арташире, Бахрейне) в 225 г. были уже учреждены христианские епископства²³. До эдиктов, прекративших преследования христиан в Риме, и Первого вселенского собора в Никее оставалось не так уж много времени.

Для того, чтобы сохранить сильную власть в стране и прежде всего в западных областях, приобрести надежных союзников в городах Междуречья, Сасанидам нужно было первоначально не применять крайних мер, не обострять религиозной вражды. Однако для сохранения государственного единства нужно было поставить над всей этой пестротой единую религию. Поэтому новому государству необходимо было «найти» такую веру, которая была бы популярна в недавно завоеванных областях, которая поддерживала бы власть царя царей в этих областях и идеологически обосновала ее, которая противопоставила бы «единого бога», единый культ религиозному синкретизму.

Зороастризм в этих областях не пользовался большим влиянием. К тому же он еще не сложился в каноническую религию, он еще только организовывал своих сторонников в борьбе с иными культурами, иными учениями, иными религиями. Одним из таких учений, быть может, не менее известным, чем зороастризм, чем христианство и иудаизм в Месопотамии, Риме, Египте, буддизм и брахманизм на восточных окраинах сасанидской империи, было манихейство, распространенное и в Северной Индии, и в Иране, и в Месопотамии, и в Риме, и в Египте. В день своей коронации, в апреле 243 г., шаханшах Ирана Шапур принял при дворе Мани — основателя «мировой религии» манихейства.

* * *

В то время Мани было всего 27 лет. До этого (в конце 30-х гг.) он совершил путешествие на Восток, где познакомился с буддизмом, брахманизмом и местными культурами Средней Азии. Теперь, в 243 г. шаханшах принял его как пророка новой веры, призванной объединить все существующие учения, стать выше их, создать единую «мировую религию». Мани преподнес шаханшаху написанное им сочинение «Шапуракан». «Мудрость и [добрые] дела, — говорилось в этой книге, — неизменно приносились людям посланниками Бога. Раз они были принесены в Индию через по-

²² О результатах археологических работ в Хатре см. Shinji Fukai, *The Artifacts of Hatra and Parthian Art.*, «East and West», New series, II (1960), № 2—3, стр. 135—181.

²³ Согласно сообщению «Хроники Арбелы» (ed. Sahau, «Abhandl. Preuss. Ak. d. Wiss.», 1951, 1). О христианстве в Иране см. также R. G h i r s h m a n, *He de Kharg*, Teheran, 1960.

сланника, именуемого Буддой, другой раз — в Ирак через посредство Заратуштры, другой раз — в страны Запада через посредство Иисуса. В настоящий последний век написано вот это откровение в страну вавилонскую, и объявилось пророчество в лице моем, Мани, посланника бога Истины»²⁴.

У этого юноши — пророка новой веры — уже тогда были сильные покровители: брат шаханшаха Пероз представил его Шапуру. Уже в это время проповедь Мани начала распространяться и на его родине, в Вавилонии, привлекая к себе все больше и больше адептов. Еще при жизни Мани его миссионеры проникли в Среднюю Азию, а к концу III в. манихейские общины существовали в Египте, в 70-х гг. этого же столетия с учением Мани были знакомы в Риме. На «ересь» Мани откликнулись христиане уже в конце III в. («Акты Архелая») и особенно бурно в IV в. (Епифаний, Блаженный Августин, св. Ефрем). О Мани и манихействе писали и позже — по-латыни, по-сирийски, по-арабски. Сам Мани уверял, что вера его не знает границ: «Вера моя ясной бывает в любой стране и на любом языке и распространяется в далекие страны»²⁵.

* * *

Обрывки обширной когда-то манихейской литературы («Книга мистерий», «Живое Евангелие», «Шапуракан», «Кефалайя», «Хвастуванифт» и др.), произведения противников манихейства (сочинения Александра Ликопольского, «Акты Архелая», «Панарион» Епифания, «Книга схолий» Феодора бар Конай), труды Бируни, ан-Надима и другие представляют нам весьма сложное и противоречивое учение. И сложность его исследования заключается в том, что манихейство было разным в разных странах, потому что вера Мани должна была быть «ясной в любой стране и на любом языке».

В Месопотамии учение Мани успешно соперничало с гностическими школами. Оно было похоже на известные там идеи Бардайсана — арамейского философа из Эдессы, друга царя Эдессы Абгара IX, известного астронома, оставившего после себя нечто вроде «Диалогов» Платона. Оно было похоже на философию Маркиона — виднейшего философа-гностика II столетия, чье учение христианство объявило вреднейшей ересью и чьей деятельности оно было многим обязано²⁶. В III в. в Риме, Египте, Аравии, Сирии и даже в Иране существовало множество маркионитских общин. Их главы так же, как и манихеи, уверяли, что кроме бога — творца телесного мира, есть еще более высокий бог. Это высшее божество проявляет себя в благодати и доброте. И так же, как и манихеи, последователи идеи Маркиона, «не желая увеличивать этот мир, созданный демиургом, предпочитают воздерживаться от брака, противясь тому, кто их создал и устремляясь к названному у них благом»²⁷.

Учение Мани было во многом похоже на очень популярную тогда философию офитов, наконец, в нем много говорилось о Христе. Проблема,

²⁴ Бируни, Памятники минувших поколений, пер. А. Э. Шмидта (Материалы по истории Средней Азии и Ирана, «Уч. зап. Ин-та востоковедения АН СССР», т. XVI, 1958, стр. 478).

²⁵ F. C. Andreas und W. B. Henning, *Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch-Turkestan*, III, SPAW, 1934 (фрагм. IR IIIID, 126).

²⁶ О дате составления «Посланий Апостола Павла» и о влиянии этого сочинения на раннехристианскую литературу см. Р. Ю. Випер, Возникновение христианской литературы, М.—Л., 1946, стр. 170—227. О маркионитах громадная литература. См., в частности, Р. Ю. Випер, Рим и раннее христианство, М., 1954, стр. 228—230.

²⁷ Климент Александрийский, цит. по статье: А. Л. Каци, Манихейство в Римской империи по данным Acta Archelai, ВДИ, 1955, № 3, стр. 168 сл.

которая ставилась Мани, одинаково волновала и гностиков, и христиан: бог не создал зла в мире, значит не создал и мира, потому что мир (материя) — это зло; стало быть, материя существует помимо бога, а человек — это «смесь материи и сияния горнего света». В так понятом дуализме — главная идея манихейства, как и главная идея гностиков. Но, между прочим, в этой идее, по уверению раннехристианских ересеологов, и главная «ересь» учения Мани, ибо отрицая «спасение человека», Мани фактически отрицал и миссию Христа.

В Иране, в зороастрийской среде, учение Мани тоже казалось знакомым. Верховное божество манихейского пантеона выступало там под именем Зрвана — божества «вечно текущего времени», отца двух главных божеств зороастризма Ахура Мазды и Антро Майнью, а «первый человек», вступивший в бой с силами тьмы, носил имя Ахура Мазды (Хормизд). Напоминала зороастризм и космогония манихейства и уж во всяком случае знакомым был дуализм этого учения. Но чужда была зороастризму та же пессимистическая идея «скверны в человеке», отрицание участия человека в конечной победе добра над злом, и потому понятно упоминание в одном из религиозных зороастрийских сочинений специального трактата, направленного против «десяти сентенций, изреченных проклятым Мани» против ортодоксальной веры²⁸.

Космология и космогония разных школ манихейства были наполнены разными мифами, широко известными там, где были эти школы — и в Месопотамии, и в Иране, и в Египте. Так же, как и в христианстве, иудаизме и зороастризме, в этом учении была идея страшного суда, идея Мессии; последователи Мани признавали Христа на Западе, Будду на Востоке, очень многие боги и демоны этого учения были многим давно известны. Для христианских «ересеологов», например для епископа Архелая, вера Мани — варварство, «старушечьи басни», для Елифания она «забавнее, чем игра популярного комика», для Марка, диакона собора в Газе, все это — «сплетни и женская болтовня»; однако это учение, созданное в эпоху глубокого социального кризиса, в эпоху ломки старой общины и старых рабовладельческих порядков, сохранившее в некоторых своих школах (особенно на Западе) дух протеста, привлекало к себе многих.

Но не настало еще время «революционной интерпретации» основных идей Мани, время создания на основе этого учения маздакизма, ставшего знаменем крупнейшего на Ближнем Востоке восстания городской бедноты и крестьян в эпоху раннего средневековья²⁹, или еще более поздних «ересей» — павликианства, богумильства, катарства, — тех, что служили идеологической базой многих крестьянских бунтов.

В III в. «мировая религия» возбуждала интерес знати, богатых купцов и образованных людей — тогда эта вера была еще во многом философией.

Брат шаханшаха Шапура Пероз, согласно манихейскому преданию, был обращен манихеями в свою веру и представил Мани царю царей. Арабский шейх Амр бен Ади ходатайствовал перед шаханшахом Нарсе за преемника Мани, Инная. В веру Мани был обращен и Михр-шах — владетель Месены, ею увлекались и многие образованные люди на Западе. Как будто бы с манихейством мечтал познакомиться Плотин, намереваясь сопровождать в Иран войска Валериана, а позже, в период с 373 по 382 гг., был обращен в манихейство и «отец церкви» Блаженный Августин.

²⁸ J. P. De Menasche, Une encyclopedie mazdeenne le Denkart, «Bibliothèque de l'École des hautes études, Sciences religieuses», LXIX, P., 1958, стр. 99, 200.

²⁹ О Маздаке см. Н. В. Пигулевская, Города Ирана в эпоху раннего средневековья, М.—Л., 1956, стр. 278—320; О. Клима, Mazdak. Geschichte einer sozialen Bewegung im Sasanidischen Persien, Praha, 1957.

Громадное значение для распространения манихейства в это время имела и хорошая организация, и хорошо поставленная пропаганда³⁰. На Востоке Ирана при жизни Мани действовали 12 проповедников его идей³¹, в Мерве, тоже при жизни Мани, существовала хорошо организованная манихейская община³², многочисленные манихейские общины были разбросаны по городам Междуречья.

Широкое распространение манихейской доктрины по всему Востоку — от Египта до Индии, происходило в то время, когда, по словам Энгельса, «даже в Риме и Греции, а еще гораздо более в Малой Азии, Сирии и Египте абсолютно некритическая смесь грубейших суеверий самых различных народов безоговорочно принималась на веру и дополнялась благочестивым обманом и прямым шарлатанством; время, когда первостепенную роль играли чудеса, экстазы, видения, заклинания духов, прорицания будущего, алхимия, каббала и прочая мистическая колдовская чепуха»³³. И особенности пропаганды этого учения, и таинственность мистических обрядов, знание «гороскопа», «судьбы и звезд», и слава превосходных врачей, таинственными заклинаниями изгоняющих любую болезнь, — все это привлекало в манихейские общины и тех, кому не было дела до «познания сущности бытия». Вера в «единого бога под разными именами» была очень популярна.

* * *

Крайний пессимизм, проповедывавшийся манихеями, обособленная организация адептов этого учения, наконец, дух протеста, присущий некоторым из его школ, и довольно близкая связь этих школ с гностиками — все эти черты манихейства показывали, что «мировая религия» не та религия, которая могла бы служить опорой Сасанидам. Как ни заманчива была мысль создать единую для всего Запада религию, увлечение ею Шапура и части иранской знати, в котором доминировал политический расчет, было лишь эпизодом.

Успехи в войнах на Западе выдвинули на первый план новую задачу — задачу иранизации завоеванных областей. Вместе с войсками шаханшаха, с его «конями и людьми» в Антиохию, Тарс, Кесарию «и вверх до Галатии, Армянской страны, Иберии... Баласакана и Аланских ворот»³⁴ шли зороастрийские жрецы, силой насаждая в этих областях свою религию. Их главой был Картир.

* * *

До 1939 г. были известны три надписи, составленные по приказанию Картира: одна из них, очень короткая, была выбита на скале в Накши-Раджаб, рядом с рельефом, изображающим Арташира I и бога Ахура Мазду (KNRj). Над этим текстом находился портрет самого Картира. Вторая надпись и второй портрет Картира были высечены в скале напротив «Каабы Зороастра», рядом с рельефом, изображающим триумф Шапура I над римлянами (KNRu). Эта надпись, намного более длинная, чем первая, была настолько испорчена, что понять то, что в ней написано, было очень трудно. Наконец, в 1926 г. Э. Херцфельд опубликовал сообщение о том, что он обнаружил еще одну надпись, принадлежащую все тому же Карти-

³⁰ Н. Ch. Puech, *Le manichéisme, son fondateur, sa doctrine*, P., 1949.

³¹ Согласно сообщению Абу-ль Фараджа (см. K. Kessler, *Mani*, I, B., 1887, стр. 401).

³² F. Andreas und W. Henning, *Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch-Turkestan*, II, SPAW, 1933, стр. 302. Христианское епископство было организовано здесь более чем на 50 лет позднее.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 475.

³⁴ ККЗ, стлк. 11—12.

ру, на сей раз высеченную в местности Сар-и Мешхед (KSM). Эта надпись была также сильно испорчена. Итак, из известных к 1939 г. трех надписей Картира, прочесть можно было лишь одну — самую короткую.

После открытия еще одной надписи Картира на «Каабе Зороастра» (1939 г.; KKZ) появилась возможность вновь возвратиться к двум пространным надписям (KNRu и KSM) и попытаться восстановить их лакуны. Еще Э. Херцфельд указывал на то, что KSM и KNRu дают один и тот же текст. В. Б. Хеннинг, издавший недавно все надписи Картира³⁵, также отмечал идентичность текстов KSM и KNRu, считая тексты остальных двух надписей (KKZ, KNRj) сокращенными копиями³⁶. М. Шпренглинг предложил таблицу соответствия сткк. KKZ и сткк. KNRu: оказалось, что вся надпись KKZ входит в первые 48 строк KNRu³⁷. При сличении эстампажей очевидно также, что сткк. 52—58 KSM соответствуют сткк. 10—29 KNRj; в «пространную редакцию» включено, таким образом, все основное содержание и надписи KNRj.

Однако более половины этой «пространной редакции» все же не восстанавливаемо. Остающиеся обрывки слов не дают сколько-нибудь полных контекстов. Что скрывается за этими обрывками слов? Описываются какие-то события, связанные с жизнью, или, быть может, «видениями» Картира, упоминается Хорасан (ḥw'ls'n), некий шахрдар (štrdry, MLK'), его всадники и пешие воины, встречается загадочный титул «кангупат»³⁸. Несохранившаяся часть «пространной редакции», несомненно, наполнена описанием каких-то реальных событий, в ней упоминаются интересные персонажи, в том числе какая-то женщина, — KSM, стк. 38: 'Pšn kngwpty 'YK ZK GBR' ZY krtyr ḥnglpy W ZK NYSH 'L ḗdw WWH ZY štrdry pr'ḗ YNPKWN HWHnd. Но нет пока почти никаких данных для того, чтобы распутать эти события и выяснить роль упоминаемых в надписи персонажей.

Ниже я даю перевод той части «пространной редакции», содержание которой в целом отражено надписями KKZ и KNRu. Надпись KKZ (и начальные строки «пространной редакции») посвящена в основном описанию карьеры Картира и перечню его «богоугодных» дел. Надпись KNRj (и конечные строки «пространной редакции») в очень сжатой, почти конспективной и потому очень трудной для перевода форме излагает «кредо» Картира — то новое, что он внес в «dyn mzdysn». Всего вероятнее, что в «пространной редакции» религиозная реформа Картира была изложена более подробно (об этом говорят некоторые отрывочные контексты) и, разумеется, о потере именно этих строк приходится особенно сожалеть³⁹.

³⁵ KKZ — CII, pt. III, vol. II, portf. III. Minor Inscriptions of Kartir; KNRj — там же; KSM — CII, pt. III, vol. II, portf. I, KNRu (сткк. 1—48) — CII, pt. III, portf. II, (сткк. 49—75) — portf. III.

³⁶ См. введение к изданию KNRu. Интерполяции в тексте пространной редакции отмечены там же (KSM, сткк. 16—17; KNRu, сткк. 35—36: [Pm] KBYR 'twr'n W ngwny BYN štry ...Swr... 'y mys[n] 'twrptk'n W sph'n W [l] d[y] W krm'n Wskstn Wgwrk'n... 'y pškbwry pḥwy krtu). Кроме того, только в надписи KNRu содержится имя шаханшаха Арташира, при котором, якобы, Картир начал свою деятельность. Во всех остальных надписях первым упоминается шаханшах Шапур.

³⁷ S p r e n g l i n g, Third Century, Iran.

³⁸ Например, KSM стк. 34: 'LHšn kngwpty 'YK PWRŠ'I (?) štrdry HZYTm. О кангупате — большая литература. См. R. N. F r u e, Remarks on Paikuli and Sar-Mašhad Inscriptions, HJAS, vol. 20, 1957, № 3—4, стр. 702—706. Р. Н. Фрай указывает, что в письме к нему Ж.-П. Де Менаш предлагает вообще расстаться с этим титулом, и транслитерировать соответствующее место: KN gwpty («и сказал»). Однако эта остроумная гипотеза, к сожалению, не подтверждается контекстами. Титул «кангупат» по-прежнему неясен.

³⁹ Надпись KKZ имеет два научных перевода: S p r e n g l i n g, ук. соч. и (почти ничем не отличающийся вариант), M.-L. C h a u m o n t, L'inscription de Kartir à la «Ka'bah de Zoroastre», «Journal Asiatique», t. CCXLVIII, 1960, стр. 341—345 (транс-

В начале «пространной редакции» надписей Картир сообщает о том, что в царствование Шапура I шаханшах Ирана сделал его «по всей стране могущественным и владыкой всех жрецов (магустана)». По приказу Шапура I Картир по всей стране основал храмы огня (*twr ZY wrhr'n*) и укрепил веру в богов. Служители храмов «стали счастливыми и удовлетворенными», и многим храмам огня был пожалован статус государственных святилищ (букв. «многие храмы огня и маги были государственно установлены». — *В. Л.*). «И Ахура Мазде и богам была [от этого] великая польза, а Ахриману и дэвам — большое посрамление». Картир сообщает, что «в государственных записях и сборниках, которые... в царствование Шапура, царя царей, составлялись, ...им (т. е. Шапуром) лично таким образом было приказано записать: мол, Картир — херпат (т. е. имеет титул херпата. — *В. Л.*)». Далее говорится, что когда вззошел на царство сын Шапура Хормизд-Арташир, то Картиру были пожалованы шаханшахом «кулах и камар» (почетный головной убор и пояс — инвеститурные знаки титула), что власть его еще более возросла, и стал он именоваться теперь «Картир, магупат (верховный жрец. — *В. Л.*) Ахура Мазды, по имени Ахура Мазды, бога».

Те же посты и ту же власть пожаловал Картиру и Варахран I, сменивший на престоле Хормизда-Арташира. Но вершины карьеры Картир достиг при сыне Варахрана I шаханшахе Варахране II: «Для удовольствия Ахура Мазды и богов [и] души своей ради пожаловал он мне в стране более высокое место и владетьность, и мне место и власть великих (*wēlk'n*) он дал .. И сделал он меня по всей стране адвенпатом (распорядителем пожертвований в храм. — *В. Л.*) и владыкой... храма огня Анахиты-Арташатр и Анахиты-Госпожи. И дал он мне имя: Картир, хранитель души Варахрана, магупат Ахура Мазды». Далее в надписи говорится о том, что же именно сделал Картир для утверждения в стране «праведной веры»: «И от шахра к шахру, от области к ²⁷ (*KSM 13*; *основная нумерация строк — по надписи KNRu*) области, по всей стране дела Ахура Мазды и богов возвысились, и вера маздаяснийская и маги получили по всей стране великое господство ²⁸ и боги, и вода, и огонь, и скот по всей стране великое удовлетворение получили. ²⁹ А Ахриман и дэвы (*SM 14*) получили великий удар и мучение (?), и вера Ахримана и дэвов отступила из страны ³⁰ и была изгнана. И иудеи, и буддийские жрецы, и брамины, и назареи, и христиане, и мандеи (?), и зиндики (манихеи. — *В. Л.*) были разбиты, а изображения [их] богов разрушены, ³¹ и убежища (храмы. — *В. Л.*) дэвов были уничтожены и в место сидения (в храмы) ³² богов и их обитель были превращены. И от шахра к шахру, от (*SM 15*) области к области многие дела религиозные возросли [в своем значении], и многие храмы были основаны. И в государственных постановлениях ³³ и сборниках, тех что при Варахране, царе царей, сыне Варахрана, делались, он (т. е. Варахран) так [приказал] записать (*SM 16*) мол: „Картир, хранитель души Варахрана, магупат Ахура Мазды“ ³⁴. И я, Картир, с самого начала [служу] богам и владыкам и души своей ради много труда и муки (*SM 17*) испытал. Благодаря мне, многие огни и маги по всей стране ³⁵ ... в Мешане, Атропатака-

литерация); 345—349 (перевод); 350—372 (комментарии). В этой части перевод «пространной редакции» различается лишь в отдельных терминах. Надпись *KNRj* в последнее время переводилась трижды: E. Herzfeld, Paikuli. Monument and Inscription on the early History of Sasanian Empire, vol. I, B., 1924, Sp r e n g l i n g, ук. соч.; R. N. Frye, The Middle Persian Inscription of Kartir at Nags-i Rajab, «Indo-Iranian Journal», vol. VIII, 1965, № 3, стр. 211—225. Предлагаемый перевод этой части «пространной редакции» существенно отличается от указанных и по смыслу. Транслитерация отдельных мест «пространной редакции», толкование некоторых терминов (в том числе полного имени Картира — *Krtyr ʾhnglpy*) содержится в работе: Frye, Remarks on Paikuli and Sar-Mašhad Inscriptions.

не, Сепахане, Рее, Кермане, Сакастане и Гургане...³⁶ ... до Пешавера стали процветающими. И также в странах иранских огни³⁷ (*SM 18*) и маги, те, которые были в не-Иране [туда, куда] кони и люди Шапура, царя царей, дошли — в Антиохии, городе [столице] сирийской страны,³⁸ и в районах около Сирии, в Тарсе, городе [столице] страны киликийской, и вплоть до киликийских пределов, в Кайсарии, городе [столице] каппадокийской страны, и вплоть ...³⁹ ... и вверх до Галатии, Армянской страны, и Иберии, и... Баласакана, и дальше до „Аланских ворот“, [там где] Шапур, царь⁴⁰ царей, с конями и людьми, сам... разрушения и пожары и... учинил, там по приказу царя царей⁴¹ магов, тех, которые в тех странах были, — их я организовал [в магустан]. (*SM 20*) И я не допускал вред и грабеж, и все то, что у них было взято грабежом — все это я же [им] вернул⁴². И я ... в свою страну возвратил. И я веру маздаяснийскую и магов [которые были] хорошими — их я сделал превосходными и почитаемыми. А еретиков и... (*SM 21*) тех, которые в магустане⁴³ не занимались предписанным в делах религиозных и вере маздаяснийской, — их я подверг каре. И я им сделал внушение,⁴⁴ и сделал я их лучше. И я многие храмы огня и [многих] магов сделал [записанными] в государственные установления. И с помощью богов и царя царей мною лично [следующее] было сделано по всей стране иранской: (*SM 22*) многие храмы огня (*twr ZY wrhr'n*) были основаны,⁴⁵ многие единокровные браки были заключены и многие люди, которые были неверными, они стали верными, и многие из тех, которые дэвам поклонялись, они, благодаря моему усердию,⁴⁶ эту веру дэвов покинули. Они веру богов избрали. И много *rtps'k*⁴⁰ (*SM 23*) были получены, и много религиозных... [всякого] рода и других дел божественных были увеличены и возвышены из тех, которые в этой надписи⁴⁷ не написаны. Ибо, если бы они были бы написаны, то было бы много. И мною, для дома своего, от области к области, многие храмы огня были установлены».

Заключительную часть «пространной редакции» удастся восстановить путем сопоставления с надписью KNRj. KSM 26—32; KNRj 3—9⁴¹: «Я богов так молил: пусть мол установления⁴² (?) богов я, Картир, во [всем] величии дам увидеть „живущим“⁴³, а „тем, кто мертв“⁴⁴, сделаю известным существо [учения о] небесах и бездне ада, каких [божественных] дел ради что именно в стране сделано, чего ради и как именно [это сделано] я сделаю известным, [а также и то], как я стал более твердым

⁴⁰ *rtps'k* — значение термина не выяснено. Речь идет о каких-то жертвах в храм, где Картир был владыкой (храм Анахиты), в честь шести ежегодных религиозных праздников. Количество *rtps'k* в разных надписях Картира различно. (KKZ: 6798 *rtps'k*; KSM, KNRu: (лакува) 83 *rtps'k*).

⁴¹ То, что сткк. 26—32 надписи KSM в расширенном виде содержали то же, что и сткк. 3—9 надписи KNRj; доказывається сличением обрывочных контекстов KSM с KNRj. Например, KSM, стк. 26: YDYNmč HWH prwn 'L wrtrnč [lwny w]hyšty W krtk'n 'L yzd'n BYN štry kryt. Ср. KNRj 4—5: YDYNmč prwn 'L wrtr'n lwny whyšty W dwšhwu čhrky MHYHt 'L ZNHč krtk'n l'dy žygnw BYN štry kryt. Или сравнительно полный контекст KSM сткк. 31—32: 'L wrtr'n lwny pwršyt ... nm'pčry krtk'n krt'y ['L] p'rsy W skst'n W 'n [yr'n] štry KBYR mgw [GBR']wrrwhmy MDM GTY W m[ptg] d'n ZNH 'wgnw ptw[hyt W MDM GTY W] m'ty[lg] [d'n YKTYBWN] HQYMWnt.

⁴² *b'ly* — значение термина неясно.

⁴³ PWN zyndk'n.

⁴⁴ 'L wlt'n lwny (перевод «тем, кто мертв» оправдан. Ср. 'L yzd'n lwny). Здесь явное противопоставление, как и вообще во всей этой части надписи: *whyšty* — *dwšhwu*, небеса и бездна ада, но, вероятно, добро — зло, свет — тьма; *krtk'n 'rt'dyhy* — дела праведные (т. е. праведный толк), *krtk'n dlwndyhy* — дела ложные (т. е. ложный толк) и т. д. Поэтому вероятно, что *Zyndk'n* и *wlt'n* здесь (и ниже) употреблены в переносном значении — «те, кто исповедует [теперь] истинный толк», «те, кто исповедовал [раньше] ложный толк». Такой перевод подтверждается не только дальнейшим контекстом, но и обрывками соответствующих мест «пространной редакции».

[в делах веры]. И вот, так именно я богов молил, чтобы мне знак они дали, как сущность [учения о] небесах и бездне ада сделать известным, как определить в этих делах ⁴⁵ — что [в них] праведно, а что ложно; пусть мол я сделаю известным для „тех, кто мертв“, установления богов». KSM 53—58; KNRj 9—31 ⁴⁶: «И вот богам еще намного большее служение и еще бо́льшая вера были мною оказаны. И сам я более благочестивым и более справедливым стал. И в этих яштах (молитвах и догматах. — *В. Л.*) и делах, которые делались в стране, намного более твердым я стал. И тот, кто эту надпись увидит и прочтет (букв. освоит), то пусть он по отношению к богам и владыкам благочестивым и справедливым станет. И также в этих яштах и делах [божественных] и вере маздаяснийской, которые теперь [стали] установленными „для живущих“, пусть он станет более твердым, а в иных (яштах, делах и вере. — *В. Л.*) — ни под чьим приказом ⁴⁷ да не будет. И пусть он знает: есть небеса и есть бездна ада, и тот, кто избрал добро (т. е. изложенный выше толк зороастризма. — *В. Л.*) — пусть идет на небеса, а тот, кто избрал зло — тот в бездну ада будет низвергнут. И тот, кто избрал добро и неуклонно следует по пути добра, тот ⁴⁸ славы и процветания достигнет, а его душа ⁴⁹ достигнет праведности, чего и я, Картир, достиг. Мною эта надпись вот для чего была написана: я, Картир, в то время, при содействии царей (štrdr'n) и владык (MR'NYn) многие огни (т. е. храмы огня. — *В. Л.*) и магов занес в государственные записи. И для меня великое почтение моему собственному имени в государственных записях и постановлениях было записано. И если кто-либо увидит в будущем какие-либо государственные постановления, или решения, или документы, или иные какие-либо записи, то пусть знает он, что я был тем самым Картиром, которого при Шапуре, царе царей, называли: „Картир, магупат и херпат“, а при Хормизде, царе царей, и Варахране, царе царей, сыновьях Шапура, называли: „Картир, магупат Ахура Мазды“, а при Варахране, царе царей, сыне Варахрана, называли: „Картир, хранитель души Варахрана, магупат Ахура Мазды“».

Такое Картир в своих надписях. Мы знаем и его портреты — выбитые в скалах рельефы, на которых он представлен безбородым старцем, в кулахе со знаком, в парадном платье. Его изображения помещены там, где высечены инвестирующие сцены и сцены побед шаханшахов Ирана, рядом с рельефом, где бог Ахура Мазда вручает атрибуты царской власти первому царю царей из династии Сасанидов Арташиру ⁵⁰, на рельефе, представляющем триумф шаханшаха Шапура над римлянами ⁵¹. Он стоит по правую руку от Варахрана II на рельефе в Накш-и Бахрам ⁵², он же сопровождает Варахрана II, его жену и наследника престола на рельефе в Сар-и Мешхед, где изображена охота царя царей на львов ⁵³.

Попробуем установить, хотя бы в самых общих чертах, что именно проповедовал Картир.

Те жрецы, которые, по мнению Картира, «не занимались предписанным

⁴⁵ 'L ZNH krtkn'rt'dyhy W dlwandyhy — krtkn (в надписях Картира как правило krtkn ZY yzd'n; букв., «дела богов») вероятно, правильнее переводить «религиозные догматы» или просто «вера». Ср. KSM, стк. 32: 'Pm [mzdysn bgy šh]pwhy MLK'n MLK' 'dyd MN LY krtu krtkn ZY yzd'n W NpšH lwb'n l'p'dy ...YK 'rt'[dyhy W dlwandyhy?].

⁴⁶ Сткк. 33—52 надписи KSM невосстановимы.

⁴⁷ В тексте KNRj (стк. 17): ny ħl plm'n 'l YHWWN вероятно, здесь ошибка 'l вместо L'.

⁴⁸ 'stwndy tny — букв. материальное тело.

⁴⁹ 'stwndy lwb'n — букв. материальная душа.

⁵⁰ V a n d e n B e r g h e, *Archéologie de l'Iran Ancien*, табл. 26a.

⁵¹ Там же, табл. 29d.

⁵² Там же, табл. 82a. Это, несомненно, Картир, поскольку знак на кулахе этого персонажа тот же, что и на кулахе Картира в Накш-и Рустам.

⁵³ Там же, табл. 74. Над рельефом надпись KSM.

в делах религиозных и вере маздаяснийской» и, тем самым, «не были верными царям, и владыкам», названы двумя терминами: 'tšwmtwk и gwmlč'k. Первый термин хорошо известен из пехлевийской литературы (ahramōk) в абстрактном значении «еретик». Второй термин встречен впервые, и его этимология и значение неясны⁵⁴. Тем не менее, судя по контексту надписей, обе эти категории состояли в магустане, т. е. были зороастрийскими жрецами.

Быть может, толк зороастризма, выдвигавшийся Картиром, был местной, истахрской традицией, противопоставленной традиции другого важнейшего центра зороастризма — традиции Шиза⁵⁵. Об этом может свидетельствовать и то обстоятельство, что все надписи Картира составлены только на среднеперсидском языке — языке монет последних правителей Истахра и первых Сасанидов, тогда как все раннесасанидские надписи вплоть до конца III в. составлялись на трех языках: парфянском, греческом и среднеперсидском. Именно такая последовательность языков отражена в первой сасанидской наскальной надписи, высеченной на плече коня Арташира на инвеститурном рельефе в Накш-и Рустам. Интересно, что в надписи на коне Ахура Мазды на том же рельефе (в ней указано имя Ахура Мазды) последовательность языков иная: *среднеперсидский*, *парфянский* и *греческий*⁵⁶.

О содержании яштов, объявленных Картиром каноническими, мы можем судить на основании исследования памятников официального сасанидского искусства.

До 70-х гг. III в. официальное направление в искусстве Сасанидов ограничивалось лишь областью так называемого «официального портрета». В эпоху Варахрана II и Картира в официальном искусстве появляются изображения зверей. Протомами различных зверей увенчаны кулахи царицы, наследника престола и некоторых вельмож, чьи портреты изображены на монетах, на скальных рельефах, в торевтике. Затем изображения зверей появляются и на иных памятниках.

Изображения зверей — символов различных божеств, как известно, самая существенная черта искусства Ирана. Иконографический канон многих из них насчитывал не одно тысячелетие, однако репертуар искусства Сасанидов в этой области был весьма ограничен: одни и те же образы, одни и те же композиции встречаются не только на печатях — самых массовых памятниках сасанидского искусства, но и в торевтике, штучковых декорациях, на тканях и на рельефах⁵⁷.

На монетах Варахрана II последовательно появляются изображения протомы коня, кабана, птицы, Сенмурва⁵⁸. Даже если бы мы не располагали громадным сравнительным материалом других памятников сасанидского искусства, мы все равно должны были бы заключить, что все эти изображения — символы зороастрийских божеств, поскольку среди них присутствует образ Сенмурва — «собаки-птицы» зороастрийских религиозных текстов. На серебряном блюде, найденном в дер. Нижняя Шахорвка⁵⁹, дата которого также время Варахрана II⁶⁰, к перечисленным

⁵⁴ По интерпретации Де Менаша «ceux qui usent en frottant» (см. Ch a u m o n t, Inscription de Kartir, стр. 362—363).

⁵⁵ См. S. W i k a n d e r, Feuerpriester in Kleinasien und Iran, Lund, 1944.

⁵⁶ H e r z f e l d, Paikuli, vol. I.

⁵⁷ Б о р и с о в, Л у к о н и н, Сасанидские геммы, стр. 31—33.

⁵⁸ Воспроизведения различных типов монет Варахрана II см. в кн. F. P a r u s k, Sasanian Coins, Bombay, 1924, табл. V—VII; R. G ö b l, Die Münzen der Sasaniden, 's-Gravenhage, 1962, табл. II.

⁵⁹ Я. Н. С м и р н о в, Восточное серебро, СПб., 1909, табл. XIV, № 36.

⁶⁰ Датировка блюда колебалась от III в. до н. э. по XIII в. н. э. В последнее время Б. И. Маршаку удалось, основываясь на аналогиях в сасанидской торевтике (килик

выше образам добавлены изображения льва, зебувидного быка и медведя. Этими именно образами ограничивается и весь репертуар сасанидской глиптики III в.⁶¹

Итак, перед нами — сознательный выбор из всего наследия Переднего Востока в этой области ограниченного круга образов, которым теперь придано вполне определенное символическое значение. Мы можем, вероятно, связывать их появление в официальном искусстве сасанидского Ирана с реформой Картира и считать, что в религиозных текстах, которые были объявлены «справедливой верой» при Варахране II, особенное внимание было обращено на те, где описывался Сенмурв, а также на те, где встречаются ипостаси божеств Вретрагны (его «перевоплощения» — конь, птица, кабан), Тиштрийя (конь), «первозданного быка» (зебу), Митры (лев) и некоторые другие.

В искусстве Ирана эпохи Картира — Варахрана II совершенно отсутствуют символы Анахиты, столь распространенные, начиная с IV в. — с эпохи Шапура II и его верховного жреца Атурпата Михраспандана: различные цветы, плоды, голубь, павлин, гранат, собака и др. Анахита в III в. отождествлялась с царицей царич, и владыкой ее храма был Картир. Теперь становится понятным сообщение «Денкарта» о том, что спустя 30—40 лет после смерти Картира Шапуру II надобилось обновить святилища Анахиты⁶².

В искусстве Ирана эпохи Картира — Варахрана II отсутствует столь популярный впоследствии образ горного барана с пышным бантом на шее (бантом «ашхараванд») — символа бога Хварны. Этот символ появляется в эпоху Шапура II — Атурпата на боевом племени шаханшаха, на многочисленных памятниках искусства, в литературе. Яшты о Хварне, не поощрявшиеся в «Авесте» Картира, были возвеличены в «Авесте» Атурпата. В IV в. к ним обратились отнюдь не случайно: в силу ряда политических причин именно в это время была создана фальшивая генеалогия сасанидских шаханшахов, возводящая их род к мифическим Кейанидам; согласно Моисею Хоренскому, секретарь Шапура II Хорхбуд составил по приказу царя хронику «Растсохун», в которой рассказывалось о том, как «счастье Хварны Кейанидов» (божество царской славы) в образе барана с ошейником из лент сопутствовало первому Сасаниду⁶³.

* * *

Итак, сасанидские шаханшахи, еще в самом начале провозгласившие зороастризм своей религией, нашли, наконец, прочную опору своей власти в алтаре огня. Но для действительного торжества зороастризма по всей стране необходима была борьба, и эта борьба была жестокой. Нужно было уничтожить в Иране влияние иудаизма и христианства, буддизма и брахманизма, мандеев, нужно было уничтожить «ереси» того же зороастризма, нужно было, наконец, покончить с Мани и манихеями. И вот после смерти Шапура I, когда влияние Картира на царя царей Ирана возросло, когда

с портретами Варахрана II и его семьи, так называемое «краснополянское» блюдо с изображением царевича, охотящегося на медведей) и параллелях в римском искусстве, датировать этот памятник серединой — концом III в. н. э. (см. Луконин, Маршак, Изучение сасанидского искусства в Государственном Эрмитаже, стр. 31).

⁶¹ Борисов, Луконин, Сасанидские геммы.

⁶² Denkart, IV, 27 (Madan, 412). H. S. Nyberg, Die Religionen der Alten Iranier, Lpz., 1938, стр. 419.

⁶³ Моисей Хоренский, История Армении. Пер. Н. О. Эмина, М., 1893, стр. 117.

Картир, став ближайшим советником царя царей, получил титул «магупата Ахура Мазды», и, быть может, в недалеком будущем уже видел себя религиозным главой государства, в Иране разразилось гонение на манихеев.

О последних днях жизни Мани сохранилось среди манихейских документов предание⁶⁴. Повествование в нем ведется от имени Нухзатака, который переводил слова Мани с сирийского на персидский шаханшаху Варахрану I, вызвавшему пророка в столицу. Мани был принят весьма нелюбезно — шаханшах заставил его ждать в приемной. А когда Варахран встал из-за стола, то «положив одну руку на [плечо] парицы саков, а другую руку [на плечо] Картира, он подошел к господину (Мани. — В. Л.). И начав говорить, господину он сказал так: „Напрасно ты явился!“ А господин наш ответил: „Разве я что-нибудь плохое сделал?“ И царь сказал: „Я поклялся, что не дам тебе приходить в эту страну“. И в гневе так [царь] говорил господину: „Да что в вас (манихеев. — В. Л.) такого особенного, что не ходите вы на бой и не охотитесь? Хотя бы вы лечили людей и лекарства изготовляли, но вы не делаете [даже] этого!“»

Текст предания обрывается на ответе Мани, который уверяет шаханшаха, что делал только добро и ему самому, и его роду, и его подданным. Мы знаем по иным источникам, что Мани был брошен в тюрьму, где и погиб от пыток в 277 г.⁶⁵

Так в лице Картира и Мани столкнулись в Иране отвлеченная философия, полная пессимизма и «презрения к миру», с сухой догматикой и фанатизмом, поддерживаемыми бюрократией, оружием и властью царя царей Ирана. Победил Картир.

Положение Картира особенно возвысилось при Варахране II (в годы царствования Варахрана II составлены все надписи Картира). В это время Картир достиг вершины своей карьеры, возведя на престол Ирана удобного ему шаханшаха⁶⁶. Для установления в Иране режима террора и религиозного мракобесия у Картира были все возможности — он сосредоточил в своих руках все «дела веры». Духовная власть теперь была отделена от светской, от Картира теперь исходила интерпретация воли Ахура Мазды, сасанидское государство быстро приближалось к теократии. Картир организовал государственную церковь — магустан, жреческие корпорации при храмах огня, отныне «государственно установленные». Это означало и усиление экономической роли храмов в жизни страны. Картиром были основаны новые храмы огня, везде, по всей стране, и там, куда дошли «кони и люди царя царей», и в тех землях, где зороастризм ранее не был распространен. Наконец, Картир выдвинул свой толк *dup mazdysn*, свою «веру для живущих», объявив ее единственной религией государства.

Разумеется, было бы очень интересно выяснить во всех подробностях существо религиозной реформы Картира. Но о человеке, оставившем четыре громадных надписи в тех местах, где до него высекали свои надписи лишь повелители Ирана, не упоминается ни в одном религиозном сочинении более позднего времени, ни в одной исторической хронике, ни в одном предании. Для жрецов позднесасанидского периода такого человека не существовало — его место занял мифический Тусар, абстрактный «идеальный религиозный подвижник», всю жизнь свою, якобы, посвятивший собиранию и изучению разрозненных остатков священных книг и

⁶⁴ W. B. Henning, *Mani's last Journey*, BSOS, X, 1942, стр. 4—6.

⁶⁵ S. H. Tagizadeh, *The Dates of Mani's Life*. Translated from Persian, introduced and concluded by W. B. Henning, «Asia Major», vol. VI, pt. 1, 1957, стр. 106—115. Иную дату смерти Мани (2 марта 274 г.) предлагает В. Б. Хеннинг (см. там же).

⁶⁶ Подробнее см. В. Г. Лукнин, Варахран II и Нарсе, ВДИ, 1964, № 1, стр. 48—63.

знаменитый своими скучными проповедями, оправдывавшими любой поступок, любое деяние шаханшаха. Это обстоятельство тем более странно, что верховный жрец Ирана Атурпат Михраспандан, действовавший всего через 30—40 лет после Картира, упоминается в поздних источниках неоднократно и признается одним из крупнейших авторитетов в области религии. Атурпат при шаханшахе Шапуре II занялся тем же, что делал Картир — он «очистил от скверны» и наново возродил зороастризм, проведя новую кодификацию «Авесты».

Стало быть уже через три десятка лет после смерти Картир стал для зороастрийских жрецов еретиком, и вся его деятельность в области религии была сознательно забыта. Шапур II не мог более допустить, чтобы в руках одного человека была сосредоточена столь большая власть — недавние события показывали, к чему это может привести⁶⁷. Место единого «магупата Ахура Мазды» теперь по приказу Шапура II заняло несколько магупатов различных районов государства⁶⁸.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Борисов, Луконин, Сасанидские геммы, стр. 50.